

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И ОСНОВНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ НОРМИРОВАНИЯ (I)

***Аннотация.** В данной части статьи рассматривается историческое развитие основных обязанностей. На этом фоне выявляется значение естественного права в становлении обязанностей человека и раскрывается их соотношение с обязанностями гражданина. Особое внимание уделено идейным истокам и развитию основных обязанностей в России.*

***Ключевые слова:** личность и общество, конституционный правовой порядок, обязанности человека и гражданина.*

CONSTITUTIONAL ORDER AND KEY RESPONSIBILITIES: HISTORICAL EVOLUTION, LEGAL NATURE AND SPECIFICS OF REGULATION (I)

***Abstract.** This part of the article discusses the historical development of primary duties. Against this background, the role of natural law in formation of human responsibilities, and explained their relation to the duties of the citizen. Special attention is given to the ideological origins and development of the main duties in Russia.*

***Keywords:** individual and society, constitutional law, the duties of man and citizen.*

В науке об обществе нет более важной теоретической проблемы, чем адекватное, соответствующее историческим обстоятельствам, установление соотношения между индивидуальным и коллективным началами организации социума и диктуемыми этим соотношением формами их взаимодействия. Однако нетрудно заметить характерное для отечественного

государствования стремление в проблеме взаимоотношений общества и личности сконцентрировать внимание на отдельном индивиде. Причем такое стремление часто сопровождается однобокой акцентировкой на свободе, между тем как ответственность личности за общество и перед обществом во многом остается в тени.

Личность творит свое существование не изолированно от общественной среды, а в конкретных исторических условиях, системе экономических отношений, социальных, политических и юридических институтов, которые детерминируют ее поведение и гарантируют обществу и государству от злоупотреблений интересами большинства либо возлагают на личность те или иные тяготы во имя общего блага. В юриспруденции речь идет о том, что обязанности есть объективно необходимое и закономерное свойство всякой государственной организации общества; они имманентны человеку, живущему в сообществе других людей и подчиненных определенному правопорядку, и сами являются неотъемлемым элементом этого порядка. Без обязанностей и ответственности личности, коррелирующих ее свободе и правам, немислима социальная солидарность как баланс интересов как во взаимоотношениях самих сочленов общества и их объединений, так и в их взаимоотношениях с государством.

Проблема обязанностей может рассматриваться и развиваться в различных ее аспектах, в том числе философском, социальном и политическом, нравственном, психологическом, юридическом и др. Подобно многоплановости самих обязанностей многоплановы и с учетом целей исследования оправданы различные подходы к их изучению. При том, однако, что вне контекста, связывающего факты современности с фактами прошлого, сама эта современность не может быть правильно понята и оценена.

Даже краткий исторический экскурс в прошлое конституционных идей и конституционной практики свидетельствует, что правам человека посвящена обширная литература. О них не перестают спорить, вкладывая в это понятие различное содержание и по-своему истолковывая конституционные акты как теперь уже давней истории, так и наших дней. Что же касается обязанностей человека и их соотношения с обязанностями гражданина – даже постановка такого вопроса многим представляется нонсенсом, зачастую объявляется неуместной, поскольку не имеет под собой ни теоретических (в доктрине естественного права), ни практически-юридических (в конституциях и законодательных актах прошлого) оснований.

Так, видный венгерский ученый-юрист эпохи социализма академик И. Сабо, рассматривая возникновение и развитие проблемы обязанностей, писал, что в прошлом, включая период победы демократических революций в Европе, «разговоры об обязанностях наряду с правами не имели ни значения, ни отклика». Более того, по его мнению, «в литературе по

естественному праву никогда не затрагивался вопрос об обязанностях человека; такого понятия просто не знали»¹.

Спустя много лет, государствоведение продолжает со скепсисом относиться к данной проблеме. Как пишет Х. Хофман, возможно вступая в определенное противоречие с германской правовой традицией, основные обязанности не коренятся в надгосударственной природе человека, но вытекают из обязанности граждан быть преданными государству². При этом автор данного утверждения иллюстрирует свою позицию ссылкой на воинскую обязанность и заменяющую ее гражданскую службу и на исполнение обязанностей почетных должностей на коммунальной службе, которые действительно не затрагивают каких-либо естественно-правовых принципов.

Словом, «человек» без остатка растворяется в «гражданине». Именно в таком ключе высказывается А. П. Панов, полагающий, что «гипотеза о существовании «естественных обязанностей» человека не находит своего подтверждения, ибо такие обязанности не отвечают критериям врожденности (наличия у индивида от рождения) и объективности (существования вне воли и сознания людей, вне признания или непризнания их индивидом, обществом, государством)»³.

Тем самым три поколения юристов, различных по своим идейным установкам и выросших в различных правовых порядках, с завидным упорством повторяют давнее заблуждение критиков естественного права в части, касающейся обязанностей человека и гражданина, не замечая при этом, что естественное право столь же исторически обусловлено и подвержено эволюции сообразно потребностям общественного развития и способу их удовлетворения, как и всякая новая идея о государстве и праве. Тем более, что такие идеи достаточно редки, а их зародыши можно отыскать в учениях о государстве и праве, сложившихся в древности.

Другой вопрос, насколько подобное разграничение, имевшее существенное значение в прошлом, сохраняет свою актуальность в реалиях современной демократии, верховенства права и прав человека? Как представляется, речь идет не «просто» об освоении категориального аппарата Конституции России, знающей категорию обязанностей человека, и выявлении соотношения различных категорий как структурных компонентов статуса личности и механизма ее взаимодействия с обществом, что важно само по себе. Такое разграничение имеет значение для выявления самой природы основных обязанностей, установления «объективного» и «субъективного» в закрепляемых Основным законом обязанностях,

¹ Сабо И. Идеологическая борьба и права человека. М., 1981. С. 128.

² См.: Государственное право Германии. М., 1994. Т. 2. С. 207.

³ Панов А. П. Естественные обязанности человека: миф или реальность? // Известия СГУ, серия «Экономика, управление, право». Т. 12. Вып. 1. С. 123. Также см.: Панов А. П. Система обязанностей граждан Российской Федерации. Саратов, 2012.

а также их пределов и особенностей регулирования законодателем способов реализации.

Немаловажно и то, что нормирование обязанностей осуществляется не только Конституцией, но и парламентом, обладающим значительно большей дискрецией и значительно более подверженным политическим влияниям; как раз в связи с этим осмысление источников основных обязанностей в предлагаемом контексте актуально с точки зрения определения пределов усмотрения парламента и правительства и формирования гарантий личности и общества от злоупотреблений законодательными или исполнительными полномочиями.

* * *

Истоки обязанностей человека, как и корни самой естественно-правовой доктрины, можно отыскивать на самых ранних этапах социальной организации человечества; обязанности были и есть атрибутивное качество всякого индивида, получившее обоснование уже в социально-политической мысли древности и актах далекого прошлого. Ученик Сократа (469–399 до н.э.) Платон (428/427–348/347 до н.э.), в свою очередь бывший учителем гениального Аристотеля (384–322 до н.э.), двадцать три века назад учили, что человек может реализоваться лишь как член общества, которое они мыслили как современный им полис. Отсюда – представления не только о правах личности, притом, что ими вполне оправдывалось рабство как порожденное самой природой, но и ее обязанностях по отношению к полису.

Уже в этот исторический период пришло понимание, что свобода не создается, а признается. Но такое признание означает и согласие с наличием границ признаваемой свободы, выражающихся в запретах, ограничениях или прямых обременениях. Разумеется, эти обременения еще не обязанности «человека вообще», это обязанности человека данного сообщества. Как раз об этих обязанностях – нравственных и гражданских, которые связывают граждан с Римом, спустя два столетия писал выдающийся римский оратор, политический деятель и писатель, близкий к идее естественного права Цицерон (106–43 до н.э.). В философских трудах («О государстве», «О законах») Цицерон рисовал картину образцового государства с наилучшим законодательством, осуществленным в римской конституции. Позднее им были написаны «О пределах Добра и Зла», «Тускуланские беседы», «О природе богов», которые явились изложением на латинском языке греческой философии; особое место в их ряду занимал трактат «Об обязанностях»⁴, датированный обычно 43 годом до

⁴ См.: Цицерон. Об обязанностях. СПб, 1903; Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993. Утченко С.Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина. М., 1974; Утченко С.Л. Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986.

н.э., который, говоря современным языком, является, пожалуй, первым монографическим исследованием указанного феномена, именованного им *officium*.

Автор трактата вслед за своими великими греческими предшественниками имел в виду не человека вообще, а обязанности римлянина, члена римской общины (*civitas*), т.е. коллектива свободных римлян, и гражданина полиса, т.е. города-государства Рима. Отсюда вытекали обязанности по отношению к Отечеству, родителям, детям, семье, родственникам, друзьям. Для Цицерона было очевидно, что обязанности индивида отражают состояние его зависимости от общества и других людей, а в результате их юридического закрепления – и от государства в той форме, в какой оно было характерно для эпохи. Они возлагаются только на свободных либо добровольно принимаются ими, а в их основе лежат божественное предопределение или древность традиций.

Считается, что состояние зависимости в истории человеческой цивилизации выступало в различных формах – рабства, крепостного состояния, состояния обязанных. Рабство означало полное отрицание всяких прав у подвластного лица; крепостное состояние признавало за крепостным определенные права, но они состояли в полной зависимости от господина; обязанные пользуются личной свободой и несут определенные обязанности по отношению к обществу и государству, но не владельцу или господину.

Каждая из этих форм соответствовала господствующему на известном этапе развития способу производства, потребности которого оказывали решающее влияние на смену названных форм индивидуальной зависимости. Но это влияние не было исчерпывающим. На формы государственно-правовой зависимости индивида влияли и другие факторы, особенно культура, религия, общественная мораль, постепенно уничтожавшие нравственное различие между людьми и тем самым утверждавшие их равное достоинство, а также равенство перед Богом, законом и судом и пр. В силу этого изучение объективной логики исторического развития взаимоотношений личности и общества требует в том числе осмысления генетических зависимостей настоящего от прошлого. Существенно важен в связи с этим вопрос о том, какую роль в истории играют идеалы и каким образом они становятся частью социальной практики.

Демократические революции в Европе в XVI–XVIII веках привели к тому, что человек, выступавший не в качестве отдельной личности, а как неразрывная составная часть соответствующего сословия или класса, обрел человеческую личину; неравенство людей, долгое время признававшееся их естественным состоянием и закреплявшееся в праве, уступило свое место равенству, причем не только в правах, но и в обязанностях, и было признано их естественным состоянием. Общественный прогресс нуждался

в формально свободной личности, не отделенной глухой стеной от другой личности; вне этого общество уже вообще не могло развиваться.

Философия права не могла оставаться вне контекста эпохи и присущих ей процессов переосмысления взаимоотношений общества и личности. Именно в эту эпоху европейской политико-правовой мыслью был возрожден цитероновский *officium*. Естественно-правовая доктрина не только не была равнодушна к обязанностям человека, но, напротив, именно в эту эпоху обязанности человека, «человека вообще» как общественное явление получили новое философское, политическое и юридическое обоснование; они теперь стали объясняться не столько велением свыше или древностью традиций, как это было в прошлом, а своеобразным юридическим рефлексом надпозитивного права на участие индивида в гражданском обществе или государстве, учреждаемом во имя блага народа и защиты порождаемых таким учреждением благ граждан. А это в свою очередь накладывает на индивида определенные тяготы, обусловленные сочленством в государстве.

При этом идея обязанностей человека и гражданина не только изучалась представителями школы естественного права (хотя и в значительно меньшем объеме, чем проблема прав человека), но и наряду с правами получила отражение в конституционной практике находящихся в процессе становления демократий в Европе. В частности, Ф. Бэкон (1561–1626), учение которого оказало огромное влияние на последующее развитие науки и философии, в том числе Т. Гоббса (1588–1679), рассматривал обязанности в их связи с общественным благом. Он различал общие обязанности, т.е. обязанности человека как человека, и специальные, или относительные, обязанности (профессиональные, сословные, статусные). В свою очередь Т. Гоббс, развивая учение своего предшественника, понимал под обязанностями должностования, детерминированные законом. Стало быть, каковы законы (естественный, гражданский, церковный), таковы и обязанности⁵.

Обязанности человека наряду с обязанностями гражданина нашли отражение в трудах Гуго Гроция (1583–1645), признаваемого одним из основателей доктрины естественного права, т.е. «права в собственном смысле слова», которое «состоит в том, чтобы предоставлять другим то, что им уже принадлежит, и выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности». В знаменитом труде «О праве войны и мира», изданном в 1625 году, выдающийся голландский ученый писал, что «человеку строить козни против другого человека есть величайшее беззаконие»; он говорил об обязанностях «соблюдения обещаний», «возмещении ущерба причиненного по нашей вине»⁶. По его мнению, «гражданин, нарушающий

⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 томах / Гл. ред. В.С. Степин – 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. Т. 1. С. 350–351, 537–538.

⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право

внутригосударственное право ради своей ближайшей выгоды, тем самым подрывает основу собственного своего благополучия и благополучия своего потомства»⁷.

Тем самым Гроций сформулировал принципиальные установки об обязанностях человека и гражданина, которые получили развитие и обоснование в трудах последующих представителей естественно-правовой доктрины. При этом менялся характер аргументов, виды самих обязанностей человека и гражданина, но общая идея о присущих человеку и гражданину обязанностях оставалась неизменной.

Она не была чужда философии Спинозы (1632–1677) с характерной для нее идеей строгой закономерности, причинной обусловленности всех проявлений природы, частью которой является человек. Один из первых теоретиков буржуазной демократии, Спиноза объяснял необходимость законов противоречием между разумом и страстями людей. «Каждый человек стремится к своей пользе, к выгоде, но большинство руководствуется своим мнением, увлечением, а не разумом, движимо прихотями, не считается с будущим. Поэтому ни одно общество не может существовать без власти и силы, а следовательно, и без законов, умеряющих и сдерживающих страсти и необузданные порывы людей». Подчинение этим законам, разумным и равным для всех, и есть существо рационалистического видения свободы, которая, таким образом, отнюдь не отрицает ни власти, ни подчинения закону, ни наказания за его нарушение. Однако такое подчинение не означает отказа от свободы, которая сама есть познанная необходимость, и подчинение этой необходимости и есть высшее проявление свободы⁸.

Возможно, самое выдающееся место в исследовании обязанностей на этом этапе развития естественно-правовой мысли занимала германская школа в лице С. Пуфендорфа (1632–1694), находившегося в свою очередь под сильным влиянием взглядов Т. Гоббса и Г. Гроция. В 1673 году в Германии была издана его книга «Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному». Она явилась менее обширным изложением его же годом ранее изданного сочинения «О естественном и общенародном праве». Германский ученый различал в их системе обязанности к себе, обязанности к другим и обязанности к богу, насколько он познается естественным разумом. В отличие от своего предшественника Пуфендорф выводил обязанности прямо и исключительно из разума, а не разумной и общественной природы человека с изрядной долей теологии, как это было присуще Г. Гроцию.

Обязанности к себе, по Пуфендорфу, состояли в самосохранении и в развитии своих способностей. Обязанности же к другим делятся на абсолютные (никого не оскорблять, считать всех по природе равными,

народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 47.

⁷ Там же С. 46.

⁸ Спиноза Б. Этика. СПб., 1993. Части 4 и 5.

делать по возможности добро другим, хранить верность договорам) и гипотетические – говорить правду тем, кто имеет на нее право, уважать чужую собственность, подчиняться семейной и государственной власти, которые сопровождались определенными оговорками⁹.

Не ставил под сомнение наличие пределов естественной свободы один из самых влиятельных мыслителей просвещения и теоретиков либерализма Дж. Локк: прирожденные права человека, в числе которых «жизнь, свобода и владение», ограничиваются тем, что необходимо для охранения себя и других¹⁰. Тем самым был задан вектор развития обязанностей человека и гражданина – ограничения и запреты, устанавливаемые ради общего блага.

Обязанности человека и гражданина продолжали привлекать внимание представителей школы естественного права и в последующее время. В частности, один из предтеч Великой французской революции Ш. Монтескье (1689–1755), испытавший на себе сильное влияние политических взглядов Локка, в словах которого отчетливо просматривается акцент на будущую социальную организацию общества, которая неизбежно придет на смену феодализму, писал: «Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране ... я счел бы себя счастливейшим из смертных»¹¹.

Обязанности человека и гражданина получили теоретическое обоснование и в произведениях выдающегося мыслителя предреволюционной Франции Жан-Жака Руссо (1712–1778), особенно в его «Общественном договоре», который до сих пор продолжает оставаться предметом спора историков, философов, юристов. И если роль Руссо, выступившего одним из провозвестников Великой французской буржуазной революции, в утверждении прав человека обоснованно подвергается сомнению, то его вклад в теоретическое обоснование обязанностей человека и гражданина несомненен, но не в феодальном, а в буржуазном обществе. В самом деле, раскрывая содержание своего общественного договора, Руссо подчеркивал, что он сводится к одному: «Полное отчуждение

⁹ В книге, опубликованной в России по инициативе Петра I, под влиянием преобразовательской деятельности которого, быть может, особенно сильно звучали идеи долга и служения Отечеству, говорится не об обязанностях, а о «должностях человека и гражданина» (С. Пуфендорф. О должности человека и гражданина. СПб., 1726). Однако это разночтение, как следует из контекста данного литературного источника, обусловлено лишь особенностями перевода на русский язык книги «Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному», осуществленного более двух с половиной столетий назад. См. также: Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2; Малышева Н. И. Политическое наследие Самуила Пуфендорфа // Правоведение. 1999. № 1.

¹⁰ Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 720 и сл.

¹¹ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 160.

каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины»¹².

Гражданская свобода, писал Руссо в «Общественном договоре», сводится к тем правам, которые остаются у индивида за вычетом его гражданских обязанностей. Эти обязанности, однако, могут возлагаться только по закону, последний же, согласно общественному договору, приводящему к образованию государства, должен быть равен по отношению ко всем гражданам – вот главный критерий законодательной деятельности.

Это было новое теоретическое решение проблемы отношений личности и общества, заключающееся в абсолютном подчинении граждан государству, в основе которой добровольное согласие всех граждан, а именно общественный договор¹³. Поскольку архаичные устои прошлого противоречили частнособственническим интересам, постольку идеологии Нового времени приходилось апеллировать к изменению социальных условий по сравнению с прошлым.

Основоположник классической немецкой философии И. Кант (1724–1804), испытавший влияние Жан-Жака Руссо и философских взглядов других мыслителей эпохи, различал правовые обязанности (*official juris*), т.е. обязанности, для которых необходимо внешнее законодательство, и обязанности добродетели (*official virtutis*), для которых во внешнем законодательстве нет необходимости¹⁴.

Не вызывало сомнения значение обязанностей как организующего и цементирующего начала социума у Гегеля (1770–1831). Различая гражданское общество и государство, Гегель определенно разграничивал обязанности человека перед самим собой, собственной семьей и перед другими людьми, и перед государством, и считал их условием сохранения общества как целого: эти обязанности «взаимосвязаны, коррелятивны, иначе целое распалось бы»¹⁵. При этом, по Гегелю, человек обладает «правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и обязанностями, поскольку у него есть права». Однако их соотношение различно в абстрактном праве и в морали: если в первом случае праву одного лица соответствует обязанность другого лица в отношении этого права, то в области морали человек имеет право на собственное знание, воление и благо лишь в единстве с обязанностями.

¹² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. М., 1969. С. 161. В другой работе «Об общественном договоре, или Опыт о форме республики (первый набросок)», обычно датируемой 1758–1760 годами, Руссо еще более определенно выразил свое понимание соотношения государства и личности: «Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, так и общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами...». Там же. С. 325–326.

¹³ См.: Мартышин О.В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 8.

¹⁴ Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965. С. 353 и сл.

¹⁵ Гегель Г. Работы разных лет. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 61.

* * *

В силу объективных социально-экономических, а также политических и духовных условий социальной эволюции понятие обязанностей «человека вообще» сложилось в эпоху демократических революций в Европе, а сами эти обязанности нашли практическое воплощение в формулировавших их победу конституционных актах западных демократий. Будучи опосредованным политико-юридическим отражением соответствующего способа производства, рационализируя организацию общества и гарантируя его стабильность, эти обязанности выступали политико-правовым условием прогрессивного развития общества, поскольку служили консолидации и формированию баланса интересов его членов. В соответствии с этим обязанности личности изначально понимались как ограничение ее произвола, а затем и как положительные услуги, оказываемые их носителем обществу и государству. Теперь это не тяжкое и не имеющее под собой разумных оснований бремя, возлагаемое на человека чуждой и противостоящей ему силой, это разумные тяготы, возлагаемые на члена гражданского общества и гражданина во имя общего блага.

В частности, уже в знаменитой французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года вполне определенно проявилось двойное понимание смысла обязанностей индивида, выросшее из логики общественного согласия. Во-первых, обязанности представляют собой ограничение произвола индивида, поскольку они устанавливают «имманентные пределы свободы». Как было установлено в ее статье 4, «Свобода состоит в праве делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Пределы эти могут быть определены только законом».

Во-вторых, указанная Декларация в целях сохранения общественного согласия предусмотрела запрет действий индивидов, «вредных для общества», как сказано в статье 5 данной Декларации «закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом».

Таким образом, исторически первыми конституционную легитимацию обрели обязанности-ограничения и обязанности-запреты, связанные с обществом. Но еще 4 августа 1789 года на заседании Учредительного собрания, вотировавшего 26 августа Декларацию прав человека и гражданина, предлагалось наряду с нею провозгласить Декларацию обязанностей или присоединить этот документ к Декларации прав. Речь шла уже о персональных и предметных обязанностях, связанных с государством и выражавшихся в несении индивидом определенных тягот. Однако это предложение не получило поддержки и было отклонено. Сказались инер-

ция ненависти ко всему государственному и опьянение победой, одержанной под лозунгом обеспечения прав человека и отмены феодальных повинностей.

Как известно, создатели Декларации прав человека и гражданина рассматривали ее по существу в качестве каталога обязанностей государства. Права человека были изначально направлены на ограничение феодального государства, но стоило государству из силы, против которой боролось общество, стать силой самого общества или экономически и политически доминирующей ее части, как произошла удивительная метаморфоза. Обязанности человека и гражданина, очерчивающие пределы свободы и предусматривающие некоторые тяготы во имя общего блага, замечательно хорошо вписались в политико-правовую теорию и конституционную практику первых западных демократий. Спустя шесть лет после падения Бастилии французский Конвент, обсуждавший Конституцию III года (22 августа 1795 г.); принял Декларацию обязанностей человека и гражданина; Декларация прав была продиктована штурмом Бастилии, Декларация обязанностей воплотила накопленный опыт Революции¹⁶.

Многие исследователи традиционно подчеркивают влияние североамериканских биллей на французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 года. Что же касается Декларации обязанностей, она не имела аналогов. Это обусловлено социальным и политическим назначением конституционных актов о правах: американские конституции служили утверждением независимости колоний от Англии, естественно, всякая мысль об обязанностях по отношению к метрополии представлялась бы кощунством. Декларация 1789 года была направлена против феодальных препонов общественному развитию и утверждала Новый порядок, носителем которого выступало государство. В связи с этим провозглашение обязанностей человека и гражданина, корреспондирующих правам государства, столь же естественно вытекало из социальной природы этого строя и адекватного ему характера взаимоотношений личности и государства.

Таким образом, рождение обязанностей человека и гражданина совпало с победой демократических революций и вовсе не противоречило естественно-правовой доктрине. Напротив, они выводились из естественного права, из вечных и незыблемых установлений, проистекающих из человеческого естества. В статье II упомянутой Декларации обязанностей провозглашалось, что «все обязанности человека и гражданина развиваются из следующих двух основных положений, запечатленных природой во всех сердцах: не причиняйте другому того, чего вы не желали бы сами

¹⁶ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. Текст Декларации обязанностей человека и гражданина также см.: Шантавуан А. Принципы 1789 г. Декларация прав и Декларация обязанностей человека и гражданина. СПб., 1907. С. 3–4.

претерпеть от других; творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить».

Значение Декларации обязанностей отнюдь не сводится лишь к дополнению Декларации прав человека и гражданина, она является результатом и весьма наглядным свидетельством переоценки всей системы ранее обосновывавшихся общественно-политических ценностей. Третье сословие обрело вождельные права, гражданское общество стало заповедной сферой для публичной власти, а тираническое государство превратилось в носителя и гаранта привнесенного Революцией Нового порядка.

Именно эти реалии и потребности рационализации и упрочения нового социального порядка обусловили существенное изменение акцентов внутри триады «человек – общество – государство». Французский либерализм существенно эволюционировал, а естественное право примирилось с законом, сопроводив это примирение требованием о соответствии закона праву; дух разрушения уступил место духу созидания, соответственно из Конституции 1795 года исчезло право на сопротивление угнетению, ибо в огне Революции исчезли абсолютизм, дворянство, сословное деление.

Декларация III (1795) года рассматривала индивида, с одной стороны, как человека, которому присущи некоторые вытекающие из его человеческой природы и его сочленства в обществе обязанности, с другой стороны, как гражданина – сочлена государства, участие в котором возлагает на него определенные гражданские обязанности. Согласно статье I этого документа, «в Декларации прав изложены обязанности законодателей, но дабы общество могло существовать, необходимо, чтобы сочлены общества знали также и выполняли свои обязанности». Причем Декларация III года определенно различает «обязанности человека» и «обязанности гражданина». К обязанностям человека было отнесено соблюдение упоминавшихся принципов – «не причиняйте другому того, чего вы не желали бы сами претерпеть от других» и «творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить» – обязанности, которые составляют неотъемлемое свойство всякого человека еще до вступления его в политическую общность – государство. В статье IV Декларации обязанностей сказано, что «не может быть добрым гражданином тот, кто не оказывается добрым сыном, добрым отцом, добрым другом и добрым супругом».

Что же касается обязанностей гражданина – это обязанности сочлена государства, связанного с ним соответствующими узами и несущего свою долю ответственности за его упрочение. Особое внимание Декларация уделила законопослушанию. В связи с этим в ней особо выделены обязанности защищать отечество, служить ему, подчиняться законам и уважать тех, кто является органом законов, то есть его создателем и исполнителем (ст. III). В статье V провозглашалось: «Не может почитаться хорошим человеком тот, кто не исполняет чистосердечно и свято установленные

законы», а «кто открыто нарушает законы, тот объявляет себя в войне с обществом» (ст. VI); «кто, не нарушая законов, обходит их хитростью или обманом, тот наносит ущерб интересам всех граждан и является недостойным их любви и уважения» (ст. VII).

Из провозглашения в Декларации 1789 года и последующих конституционных актах Франции собственности основным правом человека вытекает обязанность «признания всех родов собственности»: на признании всех родов собственности зиждется развитие земледелия, всех производств, всех видов труда и всего общественного строя, сказано в статье VIII. Наконец, завершается Декларация провозглашением «долга каждого гражданина служить Отечеству, отстаивать Свободу, Равенство и Собственность всегда, когда закон призывает его к защите» (ст. IX).

Обязанности человека и гражданина в отличие от прав, согласно воззрениям составителей Декларации III года, носили безусловный характер и должны были обеспечиваться всем авторитетом и мощью государства. В основе этого – принципиальное обновление видения взаимоотношений личности и общества: если в предшествующую Великую французскую революцию эпоху обязанности, точнее повинности, выступавшие в форме личной зависимости от господина или цеховых ограничений, воспринимались как тяжкое и не имеющее под собой разумных оснований бремя, возлагаемое на человека чуждой и противостоящей ему силой, то последующая социально-политическая мысль существенно модифицировала интерпретацию обязанностей человека и гражданина, как вытекающих из нерушимого общественного договора.

Обязанности человека и гражданина были присущи и более поздней конституционной истории Франции. Так, например, в восьми статьях Конституции 1848 года, составивших ее вступление, содержалось указание не только на права, но и на обязанности. Однако для конституционной практики западноевропейских государств прямое закрепление в конституциях обязанностей человека и гражданина в этот период не было характерным. От этого отказались впоследствии и французские конституции, и такой отказ в XIX веке превратился, хотя и в противоречивую, но общую тенденцию европейской демократии. Конституционная практика большинства стран Европы отдавала предпочтение косвенной форме закрепления обязанностей граждан – запретам и ограничениям, за исключением разве что позитивно закрепляемых обязанностей законопослушания и уплаты налогов.

XX век в свою очередь утвердил в общественном сознании веру в то, что обязанности индивида вытекают из факта социального бытия человека и в единстве с правами составляют универсальный принцип демократической организации общественной жизни. Эта вера оказалась широко воспринята и конституционной практикой современных государств, причем не только тех, которые обычно называют странами молодой демократии, но и государств, которые имеют давние демократические традиции. Традици-

онно в число основных включаются обязанности соблюдать конституцию и законы, платить налоги, защищать родину и выполнять обязанности военной службы, беречь общее достояние и т.п. В некоторых государствах в числе обязанностей указывается на участие в выборах органов публичной власти, забота о своем здоровье. Существенной новеллой для европейской демократии является конституционное закрепление обязанности трудиться (Италия, Испания). Отдельные конституции предусматривают обязанности родителей заниматься воспитанием детей, а также заботиться о своем здоровье и своевременно прибегать к врачебной помощи, охранять природу и памятники культуры.

Таким образом, непредвзятый взгляд в историю конституционных идей и конституционных учреждений убедительно свидетельствует, что обязанности человека и гражданина прошли в своем развитии длительный исторический путь, и сегодня мало кто расценивает их как нечто, противоречащее демократическим началам организации общества и деятельности государства. Причем несколько столетий, отделяющих нас от времени, когда европейская философия и право предлагали обоснование обязанностей человека и гражданина, привнесли немного нового в это обоснование: коль скоро человек рождается свободным и равным в своем достоинстве и правах с другими людьми и пользуется благами, проистекающими из его общественного бытия и осуществления закрепленных в конституции прав, он обязан подчиняться правилам, установленным на ее основании и поддерживаемым государством.

Иными словами, обязанности человека и гражданина детерминированы правами, как и ответственность детерминирована свободой. Они находятся во взаимодействии и функционально взаимозависимы. Отсюда в свою очередь следует, что основные обязанности как юридическая форма обязанностей человека, независимо от того, закреплены ли они непосредственно в конституции или же определяются усмотрением законодателя, сегодня имманентны всякому правопорядку, включая международный¹⁷.

* * *

Цель предшествующего исторического экскурса заключается в осмыслении обязанностей человека и гражданина как развивающегося явления,

¹⁷ См. подробно: Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. Небезынтересно, что в 1997 году Совет взаимодействия – авторитетная неправительственная организация, объединяющая бывших президентов и премьер-министров ряда стран всех пяти континентов, представила на обсуждение общественности проект Всеобщей декларации обязанностей человека. Декларация, свидетельствующая об осознании, как сказано в ее преамбуле, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их являются основой свободы, справедливости и всеобщего мира и включает также признание их ответственности и обязанностей». Она не была принята, но тенденция, несмотря на противоречивость политико-юридического развития современного мира, неизменна. См.: Толлепин А. Свобода и ответственность неразделимы // Здравый смысл. 2006 № 3 (40).

возникшего в определенных условиях и под влиянием определенных факторов и причин, которые в свою очередь сами претерпевают изменения и влекут преобразование общественного сознания и социальной практики. Как раз принцип историзма позволяет преодолеть традиционное заблуждение, что проблемы обязанностей человека (именно человека, а не гражданина) не существует, а сама постановка такого вопроса неуместна, поскольку обязанности личности якобы в принципе не могут затрагивать естественно-правовые принципы. Напротив, именно в период демократических революций в Европе «разговоры об обязанностях наряду с правами» имели и значение, и отклик. А понятие обязанностей человека не «просто затрагивалось» в философии права, но и было легализовано конституционными актами строя, пришедшего на смену феодализму.

Этот же принцип ведет к убеждению, что историческое своеобразие развития России с присущей такому развитию противоречивостью не означает, что наша страна в своем развитии оставалась вне тенденций, характерных для Западной Европы. Это не два непересекающихся потока истории, напротив, по замечанию выдающегося русского государствоведа Б. Н. Чичерина, в части государственно-правового строительства «ход русской истории представляет замечательную параллель с историей Запада» и «это сродное, параллельное течение жизни... не повторяется ни у каких других народов древнего и нового мира»¹⁸.

Но верно и другое: Россия, несмотря на социальные и экономические, а также, хотя и в гораздо меньшей степени, политические преобразования в XIX веке и особенно в начале XX века во многом сохранила незыблемыми устои традиционного общества. Обязанности же для традиционного общества характерны больше, чем права. Последние требуют более развитых политико-юридических форм и отношений равных; обязанности изначально этого условия не требуют и, если отвлечься от их содержания и целей, могут развиваться в рамках различных политических режимов и правовых систем. Столь же верно, что перед государственной властью в России стояли иные задачи, нежели на Западе. Именно власть, а не гражданское общество, выросшее из рынка и товарно-денежных отношений, была главным двигателем общественного развития, а народ нес на себе громадные тяготы во имя общего блага.

В связи с этим отечественные юристы прошлого имели основание утверждать, что «в наших основных законах о правах гражданской свободы вообще ничего не говорится»¹⁹ и именовать главу вторую «Основных законов Российской империи» «хартией реальных обязанностей»²⁰. Возможно, поэтому в политико-правовой мысли России борьба за права сопрягалась с борьбой за обязанности, ибо обязанности расценивались

¹⁸ См.: Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 330.

¹⁹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 456.

²⁰ Дунаев В. И., Никитский А. А. Очерки о государстве / Вступит. статья А. С. Яценко. М., 1909. С. 152.

как условие пользования последними и гарантия истинной свободы, долженствующей прийти на смену крепостничеству, сословному делению и самодержавному государству без меры и границ.

В частности, первый русский правозащитник А. Н. Радищев (1749–1802) в своем «Проекте для разделения Уложения Российского» писал о «правах и обязанностях государства», «управляющих и управляемых», «правах и обязанностях народа или граждан вообще». И если права граждан «состоят в свободе 1) мысли, 2) слова, 3) деяния, 4) в защите самого себя, когда того закон сделать не в силах, 5) в праве собственности и 6) быть судимым себе равными», то их обязанности состоят: 1-е) в верности государю и государству, 2-е) в непрекословном повиновении изданным законам, 3-е) в повиновении повелениям «законных начальств, елико то с законами сходствует»²¹. А один из самых выдающихся вождей декабристского движения П. И. Пестель (1739–1826), «Русская правда» которого была своеобразным панегириком естественному праву, писал о «недопустимости разрушения «равновесия всех обязанностей и всех прав». «Из сего явствует, – продолжал руководитель Южного общества, – что Законы могут быть также зловластны, как и сами действия Правительства, но что никогда таковыми быть не должны, если государство предназначено пользоваться благоденствием. Что же касается до коренных свойств человека, то оные суть Законы, определяющие природные и неизменные обязанности и права частных лиц; они изданы Всевышним Существом и должны, следовательно, иметь неоспоримое первенство над Законами, изданными Человеками»²².

При этом провозглашавшиеся А. Н. Радищевым или П. И. Пестелем обязанности человека и гражданина, как и права личности, не выросли естественно-историческим образом на отечественной политической почве, они должны были прийти на смену крепостничеству и сословным привилегиям и в силу этого выполняли революционную роль, поскольку их утверждение в общественной практике требовало ликвидации абсолютизма с присущим ему сословным делением и возведения на его развалинах государства демократического (конституционной монархии или республики)²³.

Обязанности человека и гражданина, однако, не были чужды взглядам и тех мыслителей, которые были далеки от революционных устремлений. В этой связи особенно интересно суждение выдающегося политического деятеля России и реформатора М. М. Сперанского (1772–1839), которого порой также относят к сторонникам естественного права: «Свобода подлжит четырем главным ограничениям, или обязанностям: 1) обязанность

²¹ См.: Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / Под общей ред. С. А. Покровского. М., 1959. С. 479.

²² Пестель П. Русская правда. М., 1993. С. 362.

²³ См. подробно: Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестке мнений советских историков. М., 1990; Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. СПб., 1992.

к добру совершенному, 2) обязанность к нраву, 3) обязанность к изящному, 4) обязанность к истине. Сии четыре обязанности суть существенны воле человека. Без них свобода наша не была бы свобода человеческая, но свобода сатанинская»²⁴.

Тем самым юридическое не отрывалось от нравственного, а социальное от индивидуального. Как подчеркивал выдающийся русский философ В. С. Соловьев, «мы не можем раз и навсегда покинуть сферу «коллективного», но при этом также не в состоянии преодолеть соблазн индивидуального»²⁵. Именно в этом заключался основной вектор развития отечественной социально-политической и философской мысли, которая как и общественное сознание, из которой оно выросло, никогда и в последующем – XIX и XX веках, не отрицала обязанностей человека и гражданина, причем независимо от идейных установок ее носителей. В частности, у Г. В. Плеханова (1856–1918) не было сомнения, что «нравственное воспитание людей в том и состоит, чтобы привить каждому из них сознание своих обязанностей по отношению ко всем остальным»²⁶. Известный государствовед П. И. Новгородцев (1866–1924) считал обязанности личности ее атрибутивными свойствами²⁷. А по мнению И. А. Ильина (1883–1954), «люди, не ведающие своих обязанностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую несовместимость»²⁸.

Отсюда глубоко логичен был вывод Н. А. Бердяева (1874–1948), творившего, как и И. А. Ильин, в иное время и в совершенно иных социальных условиях, но удивительно точно выразившего существо соотношения прав и обязанностей: «Декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина»²⁹. Иначе говоря, свобода и права личности должны быть совместимы с общими интересами посредством рациональной конституционной легитимации обязательных связей между ними.

Однако великий порыв к свободе в октябре 1917 года привел Россию к этатизму с характерным для него неприятием противопоставления государства и индивида, поскольку преодолены присущие прошлому социальные антагонизмы. Победил системоцентризм, нашедший наиболее последовательное выражение в классовой теории государства, в котором отдельный индивид вне исторической эпохи не существует; человек есть часть великого социального целого – пролетариата, а позднее – социалистического государства. Именно государство есть главная форма коллек-

²⁴ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб., 1872. С. 830.

²⁵ Соловьев В. С. Оправдание добра. СПб., 1897. С. 18.

²⁶ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 томах. М., 1957. Т. 3. С. 678.

²⁷ См.: Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 111.

²⁸ См.: Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.

²⁹ Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности // Избранные труды. М., 1999. С. 275.

тивности, оно является выразителем высшей воли, которая и обладает способностью свободного выбора.

Могущество государства ничем не могло ограничиваться. Раздел второй Конституции РСФСР 1918 года открывался статьей 9, согласно которой основная задача Конституции заключалась в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства «в виде мощной всероссийской Советской власти». Сила шла впереди права, именно она была признана главным средством реализации социальных целей и задач, стоявших перед обществом, в числе которых – полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти³⁰.

Именно эта фундаментальная для нового строя установка оказывала определяющее влияние на природу и номенклатуру закрепленных в Конституции обязанностей, в распределении которых самое важное критериальное значение имела классовая принадлежность их носителей. Как говорилось в статье 23 Конституции РСФСР, «руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции». Только «трудящиеся» участвовали в осуществлении государственной власти и управления, только им обеспечивалась свобода печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций и др. Только «трудящимся» было предоставлено почетное право защищать революцию с оружием в руках, а на нетрудовые элементы возлагалось отправление иных военных обязанностей.

Интересами диктатуры пролетариата оправдывалось подавление политических противников и лишение некоторых категорий граждан активного и пассивного избирательного права. Тем самым институты ограничения прав (обязанности-ограничения) и запретов (обязанности-запреты) были дополнены институтом лишения прав, который распространялся на «классово чуждые элементы». Что же касается позитивных обязанностей, революция, растворившая индивида в коллективности, в них не нуждалась; декретируемые ею обязанности определяли формы участия индивида в созидании и защите коллективного социального строя, как это было предусмотрено идеологемой социализма.

Принцип поглощения коллективным человеческой индивидуальности последовательно был проведен в Конституции СССР 1936 года, посвятившей обязанностям граждан 4 статьи (обязанности соблюдать Конституцию и законы, трудиться и соблюдать дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического

³⁰ См. подробно: Эбзеев Б. С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право, 2017. № 7.

общежития и др.). Конституция СССР 1977 года воспроизвела все обязанности, установленные ее предшественницей, а также предусмотрела ряд новых для мировой конституционной практики обязанностей, вытекающих из принципа социалистического интернационализма (уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей советского многонационального государства и др.); в ней получили отражение и этико-социальные (заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно-полезному труду, растить достойными членами социалистического общества и др.), а также экологические и историко-социальные обязанности граждан (беречь природу, охранять ее богатства, заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей).

При этом, однако, в статье 59 Конституции, предварявшей изложение обязанностей, был установлен принцип, особенно рельефно выражавший не «просто» соотношение обязанностей и прав, но саму природу взаимоотношений личности и общества: «Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей». Стало быть, права и свободы есть дар государства за выполнение гражданином установленных в Конституции обязанностей.

Главное, однако, заключалось даже не в этом. Наличие Конституции не означало конституционализации государства; Конституция обязывала личность, но не государство, ибо не предусматривала границ, которые власть не вправе была бы преступить под угрозой делегитимации издаваемых ею актов или юридической ответственности. Отсюда отечественная юриспруденция, в которой на советском этапе ее развития едва ли не безраздельно доминировал не критичный позитивизм, приходила к выводу, что юридические обязанности есть наиболее надежное средство достижения общественно полезного результата³¹.

Во многом благодаря именно этим радикально-ригористским взглядам и соответствующей им социальной практике проблема обязанностей приобрела в начале 90-х годов прошлого столетия мировоззренческий характер; от ее решения в большой мере зависело, удастся ли будущей Конституции соединить ценности индивидуальной свободы и независимости личности с ее ответственностью и обязанностями перед обществом и за общество, вне которых личность не может ни сложиться, ни существовать, либо она станет основным законом общества «необузданных» прав.

А. И. Солженицын еще в 1990 году провидчески предупредил, что «существование общества «необузданных прав» невозможно. Устойчивость общества может быть достигнута не на равенстве сопротивлений, но на сознательном ограничении... Свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоогра-

³¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М., 1973. С. 99.

ничество в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу»³².

В самом деле, нуждается ли в доказательстве, что свобода, не знающая ограничений, есть произвол. Устойчивое функционирование общества в целом, как и любого объединения людей, немыслимо без определенного порядка и внутренней согласованности, разделения труда и функций. Отсюда с неизбежностью вытекает необходимость регулирования поведения людей в целях обеспечения их совместной деятельности, их подчинение установленному общей волей порядку, обеспечиваемое в случае необходимости авторитетом публичной власти и государственным принуждением. Тем самым блокируется возможность произвола и минимизируются последствия конфликта индивидуальных и общих интересов, а социальная активность личности проявляется в принятых обществом стандартах поведения.

На уровне философского обобщения речь идет о том, что реальный социальный процесс нельзя свести к деятельности атомизированного индивида и присущей этой деятельности случайности. Но именно такое видение отстаивали С. С. Алексеев и А. А. Собчак, настойчиво предостерегавшие общество от закрепления в будущей Конституции России обязанностей, поскольку якобы такое закрепление из числа советских традиций, «неведомых конституциям передовых стран»³³.

Маститый ученый и к тому времени получивший широкую известность политик оказались в плену распространенного заблуждения: Конституции, которую предстояло принять, отводилась не разрушительная (эта задача к тому времени была уже решена), а созидательная роль. Она учреждала новый социальный порядок, носителем которого выступало демократическое государство, следовательно, должна была предусмотреть гарантии для учреждаемого Конституцией социального порядка, в том числе путем ограничения произвола индивида или ассоциаций людей и возложения на них определенных тягот во имя общего блага.

Конституционное совещание 1993 года отвергло тезис, ведущий к отказу от рациональной основы взаимодействия людей, организованных в общество и государство. Победил иной взгляд, не отягощенный мифологемами, противоречащими мировой конституционной практике, и не порывающий с социокультурной традицией России и нравственными основаниями государственной бытийности народа; Конституция закрепила такие принципы, которые способствуют усвоению сочленами общества

³² Солженицын А. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газета. 1998. № 38. Спустя восемь лет А. И. Солженицын вновь предостерегал: «Понятие свободы у нас вознесено до полного отрицания обязанностей и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани – человеческие существа, пока чувствуем на себе, над собой наш долг» // Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998. С. 47.

³³ Алексеев С., Собчак А. Конституция и судьба России // Известия, 1992, 29 марта.

и государства общественной дисциплины и правопорядка и тем гарантируют рациональность и стабильность учрежденного ею социального порядка.

Обязанности человека и гражданина, в том числе обязанности-ограничения, обязанности-запреты, предметные обязанности, в явной или имплицитной форме закрепленные в Конституции, являются частью Конституции, вне которой она немыслима, как немыслима без основных прав и свобод. Непосредственно обязанностям посвящены шесть статей Конституции, которыми установлены обязанности законопослушания (ст. 15, ч. 3), заботы родителей о детях, их воспитании и заботы трудоспособных детей, достигших 18 лет, о нетрудоспособных родителях (ст. 38, ч.ч. 2 и 3), обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ст. 44, ч. 3), платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57), сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58), защищать Отечество и нести военную службу либо заменяющую ее альтернативную гражданскую службу (ст. 59, ч.ч. 1, 2, 3). Наконец, в части 2 статьи 62 для иностранных граждан и лиц без гражданства в части прав и обязанностей установлен национальный режим.

Этот перечень обязанностей, провозглашенных Конституцией в явной форме, должен быть дополнен основными обязанностями, имплицитно присутствующими в ней, в том числе долг верности провозглашенным Основным законом принципам демократии, обязанность поддержания гражданского мира и согласия. Имеются в виду так же обязывающая сила собственности («собственность обязывает»), которая вытекает из принципа социального государства, и обязанности граждан участвовать в установленных законом формах в поддержании правопорядка и отправлении правосудия, являющихся персонализированным рефлексом принципа правового государства.

Новизна нормирования действующей Конституцией России обязанностей заключается и в том, что она отразила логику исторического развития обязанностей от образа человека как сочлена общества к образу политического человека – сочлена государства. Сегодня «обязанности человека» – это не «просто» полемический тезис, аргументируемый историей политических и правовых учений и конституционных учреждений. Конституция России питалась духовным молоком учения о естественном праве; она знает категорию обязанностей человека и гражданина (ч. 3 ст. 15), которая нуждается в адекватном осмыслении. Самим указанием на обязанности человека Основной закон презюмирует, что основные обязанности затрагивают или могут затрагивать естественно-правовые принципы.

Признаваемое Конституцией разграничение обязанностей человека и гражданина, которые соотносятся как социальное и юридическое, коре-

нится в характере взаимоотношений личности и общества, их объективно обусловленной взаимозависимости. Обязанности человека вытекают из сочленства людей в обществе себе подобных и являются гарантией устойчивого функционирования общественного организма. Они социально обусловлены и предопределяются уровнем социально-экономического, политического и культурного прогресса и доминирующими в обществе нравственными принципами. На номенклатуру и содержание обязанностей человека сильно влияние и иных факторов, особенно исторического опыта народа и его социокультурной традиции. В связи с этим обязанности человека выступают в качестве важного элемента механизма саморегуляции и саморазвития общества, поскольку составляют атрибутивное качество личности, развивающейся в обществе.

Основные обязанности связаны не только с обществом, но и с государством. В этом смысле обязанности человека представляют собой социально детерминированные необходимости и долженствования, которые трансформируются в обязанности гражданина и гарантируются возможностью не только общественного осуждения, но и государственного принуждения. Это – требования, предъявляемые обществом или государством к личности либо как сочлену государства, либо как к члену гражданского общества. Конституционно признанные и обеспечиваемые возможностью государственного принуждения, эти требования выступают в качестве основных обязанностей.

Иными словами, «человек» не поглощается «гражданином». Обязанности человека существуют до и независимо от их признания государством как персонифицированное проявление опыта социального взаимодействия людей и в этом смысле означают долженствования, обеспечивающие рациональность и стабильность коллективной бытийности народа. При этом, однако – и это главное, – конституирование обязанностей человека не лишает их непосредственно социального характера и такой же устойчивости и независимости от формы их государственно-правового признания, как и прав человека. Обязанности человека существуют не в силу их государственного признания и конституционного закрепления, а связаны с самим фактом общественного бытия человека.

Разумеется, указанный логический ряд «обязанности человека – государственное признание – обязанности гражданина» охватывает не все конституционные обязанности. Если обязанности защищать Отечество, заботиться о детях или родителях, соизмерять рамки собственной свободы со свободой других и пр. действительно коренятся в надгосударственной природе человека, то воинская обязанность или обязанность платить налоги, участвовать в отправлении правосудия возникли и развиваются именно как обязанности гражданина. В этом последнем случае основные обязанности вырастают из позитивного права.

Развитие международного правопорядка и характерное для современного мира становление транснационального конституционализма актуализировало еще один аспект интерпретации обязанностей человека

и их отграничения от обязанностей гражданина. Однако в этом случае приходится отвлекаться от их социальной характеристики и в качестве критерия разграничения обязанностей человека и гражданина иметь в виду характер юридической связи между личностью и государством – гражданство, иностранство или безгражданство. К примеру, каждый человек независимо от своего гражданства или его отсутствия, пребывающий на территории Российской Федерации, должен соблюдать Конституцию и федеральные законы, уважать права и свободы других лиц. Общее основное образование обязательно для всех проживающих в России лиц, причем независимо от того, являются они гражданами России или нет. На каждого возложена обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к животному и растительному миру. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы.

В этом втором смысле обязанности человека, это такие обязанности, которые возложены на всех и каждого независимо от состояния в гражданстве России. В их основе – территориальное верховенство Российского государства над всеми физическими и юридическими лицами в пределах своей территории. Что же касается обязанностей, вытекающих из российского гражданства, они возлагаются только на физических лиц, которые состоят под личным верховенством государства и связаны с ним отношениями гражданства.

* * *

Обязанности человека и гражданина составляют фундамент взаимной безопасности сочленов общества и объективно необходимое условие их взаимодействия в условиях государственной бытийности народа. Они формируют социальную однородность общества и солидарность его членов, основанную на балансе их интересов, который нуждается в постоянной поддержке и поощрении, и тем самым служат не отдельному индивиду, являющемуся субъектом правопритязания, но всем вместе.

Дело за «малым» – нужно, чтобы эти принципы стали социальной практикой, а уклонение от исполнения обязанностей, при том, что, пожалуй, в целом мире нет народа, жаждущего более нас законности в принципе, перестало почитаться за доблесть. А это, в свою очередь, требует, чтобы закон был действительно равен для всех, а его применение не зависело от личностей, которые могли бы столкнуться либо с самим законом, либо с теми, кто по долгу службы обязан стоять на его страже.

Список литературы

1. Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестке мнений советских историков. М., 1990.
2. Алексеев С., Собчак А. Конституция и судьба России // Известия, 1992, 29 марта
3. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности // Избранные труды. М., 1999.
4. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб., 1872.
5. Гегель Г. Работы разных лет. В 2 т. М., 1973.
6. Государственное право Германии. М., 1994. Т. 2.
7. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956.
8. Дунаев В. И., Никитский А. А. Очерки о государстве / Вступит. статья А. С. Ященко. М., 1909.
9. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.
10. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965.
11. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957.
12. Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1913. Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960.
13. Малышева Н. И. Политическое наследие Самуила Пуфендорфа // Правоведение. 1999. № 1.
14. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М., 1973.
15. Мартышин О. В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4.
16. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
17. Новая философская энциклопедия: в 4 томах / Гл. ред. В. С. Степин – 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. Т. 1.
18. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
19. Панов А. П. Естественные обязанности человека: миф или реальность? // Известия СГУ, серия «Экономика, управление, право». Т. 12. Вып. 1.
20. Панов А. П. Система обязанностей граждан Российской Федерации. Саратов, 2012.
21. Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2.
22. Пестель П. Русская правда. М., 1993.
23. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 томах. М., 1957.
24. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

25. Сабо И. Идеологическая борьба и права человека. М., 1981.
26. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газета. 1998. № 38.
27. Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998.
28. Соловьев В. С. Оправдание добра. СПб., 1897.
29. Спиноза Б. Этика. СПб., 1993.
30. Толпегин А. Свобода и ответственность неразделимы // Здравый смысл. 2006 № 3 (40).
31. Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина. М., 1974.
32. Утченко С. Л. Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986.
33. Цицерон. Об обязанностях. СПб, 1903.
34. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993.
35. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899.
36. Эбзеев Б. С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право, 2017. № 7.
37. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007.
38. Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. СПб., 1992.
39. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / Под общей ред. С. А. Покровского. М., 1959.